

По сути дела на Пленуме ЦК в 1962 году отец, если не сжег, то поджег мосты, связывавшие его с прошлым. Он все меньше полагался на партийных секретарей. Председатели совнархозов даже начали «покрикивать» на них. Теперь же решение Пленума о разделении обкомов превращало секретарей, еще вчера всевластных хозяев в своих вотчинах, в исполнителей воли, «приводные ремни» председателей совнархозов. Кому такое придется по душе? Как крепостники-помещики ненавидели реформатора Александра II и его реформы, так и нынешние «хозяева жизни» возненавидели отца. В октябре 1964 года именно это решение поставят Хрущеву в упрек, и первым – его протеже «профессионал» Полянский.

Для царя-реформатора его политика обернулась бомбой террориста, а для России – отказом от каких-либо реформ, когда само слово Конституция для новых императоров Александра III и Николая II звучало хуже площадной брани. Последовал тридцатилетний застой, приведший к полной дискредитации власти, возбудивший всеобщее недовольство, завершившийся революцией. А ведь все могло сложиться иначе. Если бы преемники пошли по пути, намеченному царем-освободителем, вся история России...

Но «короля играет свита», а свита считала, что Александр II заходит слишком далеко, своими реформами не спасает, а губит Россию. Напротив, «максималистам-либералам» он представлялся ретроградом, цепляющимся за обломки обветшавшего прошлого. В результате к концу своего царствования Александр II оказался в изоляции, фактически в одиночестве, не понятый и не поддерживаемый ни теми, ни другими. Печальная, но вполне предсказуемая участь.

Отец зависел от секретарей обкомов в не меньшей мере, а то и в большей степени, чем Александр II от своего окружения. Царь, в отличие от избираемого секретаря ЦК, пусть и Первого, почитался «помазанником Божьим». В июне 1957 года секретари обкомов поддерживали отца в его столкновении с Молотовым, Маленковым и иже с ними, поддерживали, потому что знали, чем им грозит возврат в прошлое, и рассчитывали на будущее. Совнархозовская регионализация, казалось бы, передавала власть в стране в их руки. Но отец обманул ожидания.

На ноябрьском Пленуме ЦК секретари обкомов, а именно они доминировали в ЦК, проголосовали «за», но для отца эта победа оказалась «пирровой». А тут еще он стал обращать на них все меньше внимания, не только перестал звонить, советоваться, но отзывался о секретарях обкомов пренебрежительно. Пусть только на заседаниях Президиума ЦК, но они-то узнавали о словах отца буквально на следующий день. В результате партийные секретари отвернулись от отца, они оказались в разных лагерях.

Уже после отставки отец с горечью вспомнит, как ему советовал умудренный аппаратным опытом Каганович: не жалеть времени, встречаться каждую неделю с двумя-тремя секретарями обкомов, а он не послушался, пренебрег советом...

Я считаю, что никакие звонки отцу не помогли бы. Его политика реформирования противоречила устремлениям региональных партийных секретарей. Изменить реформам отец

не мог, тогда терялся весь смысл его жизни, а без отказа от реформ о восстановлении взаимопонимания с обкомами не приходилось и думать.

Придя к власти в 1964 году, Брежнев и Косыгин первым делом ликвидируют совнархозы, восстановят министерства, поставят крест на реформах и заживут душа в душу с секретарями обкомов и с министерскими чиновниками. Закончится у них все так же, как и у Александра III с Николаем II, – революцией, если быть терминологически точным – контр-революцией. У истории своя логика, и обмануть ее еще не удалось никому.